

«Памяти великого артиста»

В.М.Конторович

Это претенциозное название связано не с артистической внешностью Льва Самойловича, очень красивого человека, и не с артистическим чтением им лекций, которые я, будучи теоретиком и обучаясь в Университете, не слушал. Оно связано с граммофонной пластинкой, которую когда-то подарил мне ЛС. О ЛС мне напоминает и проигрыватель, который был подарен его дочерью Валей Фалько перед отъездом в Германию. На проигрывателе до сих пор удается прослушивать пластинки. Некоторое их количество еще сохранилось у меня, хотя им все труднее выдерживать конкуренцию. Но я помню, как этот самый проигрыватель занимал почетное место в доме ЛС. Я бывал у него дома на улице Гаршина довольно часто, когда выполнял под руководством ЛС курсовую работу на четвертом курсе физмата ХГУ, который по непонятной причине носил тогда имя А.М.Горького. Это было в 1952-1953 гг.

Основное событие тех лет – смерть Сталина – отразилось на судьбе ЛС своеобразно. Предшественником ЛС по кафедре в Политехническом институте был Рувин Иоселевич Гарбер, столетие со дня рождения которого также исполняется в этом году. РИ был учеником академика И.В.Обреимова, и основным местом его работы был УФТИ. Гарбер был блестящим физиком-экспериментатором, ему принадлежит честь открытия двойникования кристаллов. Когда умер Сталин, многие очень тяжело переживали это событие. Я сам помню чувство какой-то неизъяснимой тревоги, которая «вита в воздухе». С лица РИ не сходила улыбка. Он никак не мог с ней справиться. Он выглядел счастливым человеком. Однажды на кафедре, когда одна молодая сотрудница буквально билась в истерике, РИ сказал ей: «Ну что Вы так убиваетесь, все люди смертны». Сотрудница тут же побежала в партбюро, и Гарберу пришлось уйти из ХПИ. Кафедру через некоторое время довелось возглавить Л.С.Палатнику. Но, конечно, в то время я не знал всех этих подробностей. Мне недавно рассказала их дочь РИ Лина Гарбер, с которой мы учились в одной группе и сохранили дружбу до сих пор.

Так вот, я бывал у ЛС дома, и после дел праведных ЛС, как правило, предлагал послушать музыку. Он ставил пластинку с какой-нибудь классикой на этот самый проигрыватель, и было видно, что он получает от музыки большое удовольствие. Вообще, в то время музыка играла замечательную роль в нашей жизни. И даже сейчас, глядя в фойе филармонии на висящую под стеклом афишу тех лет, я с волнением вспоминаю гениального дирижера Израиля Гусмана и великолепные концерты той поры. К нам (к Гусману, конечно) ездили чередой лучшие дирижеры и исполнители Советского Союза. А когда Гусман вынужден

был уехать из Харькова (он переехал в Горький, где создал знаменитый фестиваль «Нижегородская весна»), все эти приезды прекратились на долгие годы.

Дипломную работу я уже делал у Ильи Михайловича Лифшица, но со Львом Самойловичем поддерживал добрые отношения. Мы написали статью (текст в основном писал ЛС) и направили ее в Журнал физической химии. Статья должна была выйти осенью 1954 года. В это время мы с моим товарищем по учебе обивали пороги московских институтов, поскольку получили странное назначение: в аспирантуру АН СССР, но без указания какого-либо конкретного места. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки (нас нигде не допускали к экзаменам, правда, мы начали сдавать теорминимум Л.Д.Ландау) мы ходили на различные приемы в различные партийные и советские органы. Одним таким местом был депутатский прием у Президента АН СССР химика А.Н.Несмеянова. К этому приему я раздобыл гранки нашей статьи со Львом Самойловичем. Симпатичная девочка в редакции журнала не устояла перед моими просьбами и, нарушив какие-то инструкции, дала мне испещренную корректурной правкой верстку нашей статьи. Академик во время приема напоминал свой собственный мраморный бюст. Гранки он, правда, несколько лениво перелистал, но ничего не сказал и ничем не помог. Впрочем, я и не питал никаких особых надежд. Но перед тем как, не солоно хлебавши вернуться домой, мы старались не упустить ни одного шанса на успех.

Любопытной и неожиданной для меня была реакция ЛС, когда, вернувшись в Харьков, я рассказал ему эту историю. Он рассердился на девушку, выдавшую мне гранки нашей статьи, и мне стоили большого труда уговорить его не звонить в редакцию.

Впрочем, работа над моей первой в жизни статьей оказала мне неожиданную услугу, когда я уже работал в ИРЭ, куда нас смог взять к себе в теоротдел Вениамин Леонтьевич Герман. В те времена научным работникам приходилось по очереди дежурить в выходные дни и праздники в Институте. Я как-то оказался на таком дежурстве вместе с Д.Д.Литвиновым, который как раз работал над своей диссертацией. В его экспериментальной работе была расчетная часть, в которой приходилось вычислять аналитически весьма сложные детерминанты. Но как раз этому я научился во время курсовой работы у ЛС. Так что за наше дежурство мы смогли сосчитать все, что было нужно, для диссертации Д.Д. У меня с ним долго после этого сохранялись прекрасные отношения.

Начатое в нашей работе со ЛС исследование обобщенного правила центра тяжести многокомпонентных гетерогенных систем было успешно продолжено им с Сашей Ландау, результатом чего была монография, единственная в мировой литературе, посвященная этой тематике. Меня же волны теоретической физики унесли далеко-далеко от темы моей первой опубликованной работы. Но я с удовольствием вспоминаю время общения со Львом Самойловичем и свою первую публикацию.